

Dylan Thomas

THE HORSE'S HA

He saw the plague enter the village on a white horse. It was a cancerous horseman, with a furuncle for a hat, that galloped the beast over grass and cobble and the coloured hill. Plague, plague, cried Tom Twp as the horse on the horizon, scenting the stars, lifted a white head. Out came the grocer with an egg in his hand, and the butcher in a bloody coat. They followed the line of the lifted finger, but the horse had gone, the trees were no speakers, and the birds who flew crisscross on the sky said no word of warning to the parson's rookery or the chained starlings in the parlour of ApLlewelyn. As white, said Tom Twp, as the egg in your hand. He remembered the raw head of the horseman, and whispered slyly, As red as mother's rump in your window. The clouds darkened, the sun went in, the suddenly ferocious wind broke down three fences, and the cows, blue-eyed with plague, nibbled at the centres of the marrow beds. The egg fell, and the red yolk struggled between the spaces of the cobbles, the white mixed with the rain that dripped from the scarlet coat. In went the grocer with a stained band, and the butcher among the hands of veal. Tom Twp, following his finger towards the horizon where the horse of plague had stamped and vanished, reached the dark church as the rain grew sick of the soil and drew back to heaven. He ran between the graves where the worm rubbed in the tradesmen's hands. Mrs. ApLlewelyn raised a stone breast above the grass. Softly opening the door, he came upon the parson praying for disarmament in the central aisle. Disarm the forces of the army and the navy, he heard the parson murmur to the Christ of the stained glass who smiled like a nannygoat above him, hearing the cries from Cardiff and the smoking West. Disarm the territorial forces, the parson prayed. In anger, God

Дилан Томас

КОНСКОЕ РЖАНИЕ (Перевод Д.В. Псурцева)

Том увидел, как по деревне проехал мор на белом коне. Злонеистовый всадник с огромным, красным чирьем на темени вместо шляпы... Конь, белый зверь, на дыбках пролетевший – по траве, по камням мостовой и по пёстрому склону холма... Мор, мор, смотрите, закричал Том Тап, конь уже был на горизонте... вот, вбирая ноздрями запах звезд, вскинул белую морду... На крик Тома явился бакалейщик с яйцом в руке, и мясник в окровавленном фартуке. Они оба глазами повели вслед за пальцем Тома Тапа, но конь уж растаял; деревья говорить не умели; даже птицы, рассекавшие небо крест-накрест, не пропели предупрежденья ни грачам на подворье священника, ни скворцам, что прикованы на цепочках в гостинной АпхЛьюлина. Белый-белый, поведал Том Тап, – как яйцо, что ты держишь. И прибавил лукавым шепотком, – красный-красный, как лучший огузок в оконце твоей лавки, – оттого что припомнил про будто освежёванную голову всадника. Облака тут сделались тучами, солнце спряталось, ветер, разом освирепев, повалил три изгороди, и коровы, синеглазые от чумы, стали нехотя пощипывать бобы с грядок. Упало яйцо: его красный желток просочился в промежутки камней мостовой, капли с алого фартука примешались к белку. Бакалейщик с пятном на руке удалился к себе, и мясник удалился в телячьи свои палестины. Том же Тап, поводя то и дело глазами к горизонту вслед чумному коню, что ударил копытом и исчез, поспешил к темной церкви; достиг он её в ту минуту, когда дождь, утомлённый землёю, втянулся обратно в небеса. Том пробрался между могил, где червь сновал в руках лавочников. Над травой воздымала грудь каменную миссис АпхЛьюлин. Тихо-тихо открыв дверь в церковь, Том нашёл там священника молящимся о разоруженьи. Разоружи, Господи, силы армии, силы флота, – бормотал священник, обращаясь к витражному, в ярких пятнах Христу, который, слыша вопли из Кардифа и с клубящегося дымом Запада, улыбался как коза, что пришла, молочка принесла. Разоружи, Господи, добровольческие местные формирования, – так молился священник. Бог возгневался и его поразил. Мор средь нас, промолвил Том

smote him. There is plague, said Tom Twp. ApLlewelyn in the organ loft reached for the bass stops. The white plague drifted through the church to the music of the savage voluntary. Parson and sinner stood beneath the reflections of the Holy Family, marking in each ginger halo the hair of blood. There was to one the voice of an arming God in the echo of each chord, and, to the other, the horse's ha.

One by one the starlings died; the last remaining bird, with a pain in its crop, whistled at the late afternoon. ApLlewelyn, returning from music and marvelling at the sky, heard the last starling's voice as he walked up the drive. Why is there no welcome, wondered the keeper, from my starling charges. Every day of the year they had lost their tempers, tore at the sashes of the window watching on the flying world; they had scraped on the glass, and fetched up their wings from the limed bar, signalling before him. On the rug at his feet lay six starlings, cold and stiff, the seventh mourning. Death in his absence had laid six singers low. He who marks the sparrow's fall has no time for my birds, said ApLlewelyn. He smote big, bloody death, and death, relenting, pulled a last fart from the bodies of the dead birds.

Plague, plague, cried Tom Twp, standing in a new rain. Where the undertaker's house had died in the trees, he holla'd, like ApLlewelyn, of big, bloody death; he heard the rooks cawing in the trees, and saw a galloping shadow. The trees smelt of opium and mice, to Tom two sorts of the hell-headed animal who ran in the skirtings of the grave. There were, on the branches of the trees and hanging upright from the earth, the owls that ate the mice and the mouths of the rosy flowers that fed on opium. To the chimneys of Last House and the one illuminated window he called the plague. Out came the undertaker in a frock coat; distrusting the light of the moon, he carried a candle in his gloved hand, the candle casting three shadows. To the middle shadow Tom Twp addressed his words of the white coming. Shall I measure, said the shadow on the left, the undead of

Тап. На органных хорах АпхЛьюлин пробежал по басовым регистрам. Белый мор поплыл в церковь на звуки музыки яростного, безвозмездно игравшего органиста-любителя. Под отраженьями Святого Семейства стояли священник и грешник, замечая в каждом имбирно-рыжем нимбе кровавой волосок. В эхе всякого аккорда органа первому из них слышался голос вооружающегося Бога, а второму – конское ржание.

Скворцы в гостиной АпхЛьюлина умирали один за другим, лишь последний оставшийся, с болью в зобе, посвистывал в позднем свете дня. Возвращаясь с музыки и удивляясь необычности неба, АпхЛьюлин на подходе к дому услышал голос последнего скворца. Отчего мои питомцы не приветствуют меня как обычно, думал недоумённо владелец певчих птиц. Ведь они в любой день в году, чуть зачуяв его шаги, волновались, набрасывались на оконные переплёты недоступного мира, летучего мира, царапали коготками в стекло, били крыльями на невольничьей, птичьим клеем смазанной жёрдочке. А теперь на коврик у его ног лежали шесть скворцов, хладные, окоченелые, и седьмой их оплакивал. Пока не было АпхЛьюлина дома, смерть пришла и угомонила шестерых его певчих. Тот, без чьей воли не упадёт ни одна малая птица, не имеет времени, чтобы заботиться о птицах моих, произнёс АпхЛьюлин. И наотмашь ударил большую, кровавую смерть. Смерть, решив немного уступить, дала мёртвым птицам ещё раз шевельнуться – испустила последние ветры из их тел.

Мор, мор, – восклицал Том Тап. Он стоял под новым дождём и, подобно АпхЛьюлину не боязненный к смерти, звал, науськивал её, большую, кровавую, заявиться туда, где среди деревьев схоронилось жилище владельца погребальной конторы. В кронах раздался грачиный грей, промелькнула тень вздыбленного коня. Запах опия и запах мышей, источавшиеся от деревьев, были для Тома Тапа словно два воплощения животного с адскою пастью, обитавшего в преддверьях могил. На ветвях деревьев, зорко глядя вниз, восседали совы, охочие до мышей, а под кронами жадно разевали зевы цветы, чьею пищей был опий. К трубам Последнего Дома, к единственному освещённому окну – призывал Том Тап мор. Появился владелец конторы, в сюртуке; не доверяя свету луны, он рукою, одетой в перчатку, нёс свечу, и свеча эта бросала три тени. К средней тени обратил Том слова о пришествии белого мора. Не измерить ли мне, проговорила левая тень, всех ещё не погибших

Wales? Plague on a horse, said Tom Twp to the left shadow, and heard the darker shadow on the right reply.

No drug of man works on the dead. The parson, at his pipe, sucked down a dead smoke from the nostrils of the travelling horse, who now, on a far-off mountain, neighed down at Africa. Smitten by God, the parson, as the dark rose grew deepest where the moon rose in a blaze of light, counted his blessings, the blazing fire, the light in the tobacco, and the shape of the deep bowl. Hell was this fire, the dark denial burning like a weed, and the poppy out of the smoking earth. The lines of the bowl, that patterned his grave, were the lines of the weedy world; the light in the tobacco faded; the weed was at the parson's legs, worrying him into a longer fall than the fall from heaven, and, heavier than the poppy, into a long sleep.

Butcher and baker fell asleep that night, their women sleeping at their sides. Butcher and baker took their women in no image; their women broke again for them the accustomed maidenheads, their erected saviours crossing, in my language, the hill of hairs. Over the shops, the cold eggs that had life, the box where the rats worked all night on the high meat, the shopkeepers gave no thought to death. They felt, in the crowded space between hip and belly, the action of a third lover. Death, in the last gristle, broke on the minutes, and, by twelve beneath Cathmarw steeple, the towers fell.

Shall I measure the undead? This, said the undertaker in his parlour, pointing through the uncurtained window to the shape of the night, is the grave for the walking and the breathing. Here lay the sleepy body, the smoking body, the flesh that burned a candle, and the lessening manwax. Go home and die, he had told Tom Twp, and, telling it again to the made moon, he remembered the story of the resurrection-men who had snatched a talking body out of the Cathmarw yards. He heard the dead die around him, and a live man, in his grafted suit, break up the gravel on the drive of Last House. Cathmarw, in a bath of blood,

в Уэльсе? Мор на белом коне, молвил Том левой тени, и услышал ответ самой тёмной, правой тени.

Ни одно человеческое зелье не воздействует на мертвецов. Священник, через свою трубку, вдохнул мертвый дым из ноздрей кочующего коня, что теперь ржал на далёкой горе, где-то в Африке. Господом сражённый, священник, при свете ослепительно вставшей луны, от которого роза, пунцовая, налилась еще большею темнотой, вновь увидел то, чем был в жизни благословен: пламя яркое в очаге, и табачный свет в трубке, и глубокую чашу предивных очертаний. Пламя это было адское пламя; тлело ж, как табачное зелье, иль как мак, произросший из курящейся почвы, тёмное отвержение. Очертания чаши, формой схожей с его могилой, превратились в обводы всего хилорослого мира; свет табачный померк; хилая травянистая поросль оказалась у священника между ног, вовлекая его в паденье куда более долгое, чем паденье с небес, и, головки маковой злее, погружала в тяжёлый, длинный сон.

Мясник и булочник этой ночью уснули со своими женщинами под боком. Мясник с булочником взяли своих женщин, не имеющих образа; женщины вновь сноровисто нарушили для них свою девственность, холм ворсистый осенили присутствием, если мне позволено так выразиться, двое твёрдых рыцарственных спасителей. В лавках, ни холодные яйца, в которых было живое, ни короб, где крысы трудились всю ночь над отборным мясом, ни разу до самой смерти не припомнились хозяевам лавок. Мясник с булочником лишь почувствовали, как в тесном пространстве между чреслами и животом совершает движения некий третий любовник. Смерть, своим хрящевым, но всё больше твердеющим посохом, разбивала минуты, – и к двенадцати – по звону с Кафмаурской колокольни – башни пали.

Не измерить ли мне непогибших? Ибо что это, говорил у себя в гостиной владелец похоронной конторы, указуя на форму ночи за окошком без штор, – ибо что это как не могила для ходящих пешком и для дышащих? Здесь в гостиной лежало сонное тело, курившееся тело – плоть подобная горячей свече – убывающий, тающий человеческий воск. Отправляйся домой и умри, – говорил Тому Тапу владелец похоронной конторы; повторив то же самое выдуманной луне, он припомнил рассказ о похитителях тел, воскрешателях, которые выкрали говорящее тело с Кафмаурских погостов. Он услышал, как

slept still for the light day, Tom twisted in the hedge, butcher and baker stiff by their loves, and parson with a burnt-out pipe loose in his jaws. ApLlewelyn skinned the six starlings; he dropped to the ground at last, holding two handfuls of red and broken feathers; the seventh bird, naked as its dead mates, still shivered and sang on the limed bar. Plague is upon us, said Mr. Montgomery, the undertaker, for the wind was resounding with the noise of departure, and the smell of the departing flesh crept up the wind. In the skin of this Western Wales, through the veins of the country, the rub of the plague transformed into a circle of sick and invisible promise the globes of seeds; swollen in the tubers of the trees, death poisoned the green buds, and coloured the birthmarks of the forest with a fresh stain. Mr. Montgomery threw his glass of vinegar in the plague's face; the glass broke on the window, and the vinegar ran down the broken panes. He cardboarded each slit and crack, smelling the running acid as he nailed up a cloth to shield night from him; he bolted and barred the doors of his wooden house and stuffed the holes in the parlour corners, until, buried at last in a coffin with chimneys, he took down his mother's book. Cures for the sickness of the body and the sickness of the mind, ingredients for a saucer for resurrection, calls to the dead, said Bronwen Montgomery. The hand that wrote squarely to the crowded planet held a worm, and rain beat down the letters of her living name, and of Cathmarw's plague she said, in a translated tongue, that the horse was a white beast ridden over the hill by a raw-headed horseman. Take, said Bronwen, the blood of a bird, and mix it with the stuff of man. Take, of a dead man and bird, a bowl of death, and pour the bird's blood and the mortal sap through the sockets of the bowl. Stir with a finger, and, if a dead finger, drink my brew by me. He cast her aside. There was a bird and man in the unbolted darkness, plague in the loin and feather tickling the flesh and bone, uplifted fingers in the trees, and an eye in the air. These were his common visions; plague could not cloud the eye, nor the wind in

мёртвые вокруг него умирали, как живой человек в костюме точно из пере-саженной кожи бил ногой на гравийной дорожке к Последнему Дому. Каф-маур, в луже крови, спал недвижно, дожидаясь дневного света: спал скрю-чившись в живой изгороди Том Тап; спали булочник с мясником, коченя подле своих любимых; спал священник с прогоревшею трубкой в неплотно сжатых челюстях. АпхЛьюлин ободрал шестерых скворцов, и упал под ко-нец на землю, сжав в пригоршнях красные ломанные перья; а седьмой скво-рец, нагой как его товарищи, всё дрожал и пел на жёрдочке, смазанной пти-чьим клеем. Мор меж нами, сказал мистер Монтгомери, владелец похорон-ной конторы, – ибо ветер оглашался шумом отшествия и по ветру крадучись распозался запах отбывающей плоти. Под кожу этого края, разнёсшись по всем венам Западного Уэльса, прикосновенье чумы заставило шарики семян построиться круглою цепью больного, невидимого обетованья; смерть, взду-ваясь в узлах стволов, отравила зелёные почки, украсила родимые пятна леса свежими крапинами. Мистер Монтгомери швырнул в лицо мора свою склян-ку с уксусом; склянка расшиблась об окно, и уксус стал стекать по ушиблен-ным переплётам. Он загородил картонками все щёлки и трещинки, он при-бил, чуя запах струящейся кислоты, полотно, чтобы ночь от себя отклонить; он задраил болтами, заставил вещами все двери своего деревянного дома, и заткнул все отверстия в углах гостиной, и затем, наконец, схоронившись во гробе с дымовыми трубами, он взял материну книгу. Исцеленье от хворей телесных и от хворей рассудка, составленье питья воскрешающего, обраще-ние к мёртвым, говорила Бронуэн Монтгомери. В её длани, начертанной от-кровенное послание к переполненной людом планете, был червь, и побиты дождем были буквы её непогибшего имени; и касательно мора в Кафмауре она странно, как с неведомого наречия переводя, говорила: да, конь мора, зверь белый, по холму пролетел галопом под всадником с освежёванною го-ловой. Взять, говорила Бронуэн, кровь от птицы и смещать её с мужским веществом. Взять, от мертвого мужчины и птицы, чашу смерти, и через глазницы этой чаши пропустить птичью кровь и брентную мужскую живицу. Помешать это пальцем и, если палец отсохнет, то питьё моё выпить близ ме-ня. Он отодвинул Бронуэн в сторону. В незадраенной на болты темноте была птица и был человек, мужчина, с чумой в чреслах, с пером, щекотавшим его кости и плоть, были пальцы воздетые в кронах деревьев, и висящее в воздухе

the trees split the fingernail. Unbolting, unbarring the coffin with chimneys, he walked into the vision of the night; the night was one bird's blood, one pocket of man, one finger lifted in the many and the upward world. He walked through the woods and onto the dusty road that lead to Wales all ways, to the left, to the right, to the north, to the south, down through the vegetations, and up through the eye of the air. Looking at the still trees in the darkness, he came at last to the house of ApLlewelyn. He opened the gate and walked up the drive. There in the parlour, lay ApLlewelyn, six featherless starlings at his side, the seventh mourning. Take, take, said Bronwen out of the Cathmarw yards, the blood of a bird. He gathered a dead bird up, tore at his throat, and caught the cold blood in his hands. Drink my brew by me said, Bronwen in his ear. He found a cup on the dresser, and half-filled it with the blood of the shrunken starling. Though he rot he must wait, said Mr. Montgomery to the organist, till I drink her brew by her. Take, take, said his mother, the stuff of man. He hurried out and on, hearing the last starling mourn for the new departure.

Tom Twp was twisted in the hedge. He did not feel the jack-knife at his finger, and the going of the grassy wedding ring around it did not trouble him at all.

Parson, dead in his chair did not cry aloud as his trousers slid down to his boots, and promise filled the bladder of a fountain pen.

The cup was full. Mr. Montgomery stirred it with a wedding finger, and drank from it in the Cathmarw yards by the grave of his mother. Down went the red brew. The graves spun around him, the angels shifted on their stones, and the lids, invisible to the silent drinker, created on their hinges. Poison stirred him, and he spun, one foot in his mother's grave. Dead Cathmarw made a movement out of the wooden hamlet towards the hill of hairs. The hair rose on his scalp. Blood in his blood, and the cold ounce of the parson's seed edging to creation, he counted the di-

око. Это были обычные виденья мистера Монтгомери; мор не мог затуманить это око, как и ветер в деревьях расщепить не мог ноготь пальца. Разболтовав, оперев свой гроб с трубами, он вышел в это ночное видение; эта ночь была кровью одной птицы, одним человеческим карманищем, одним пальцем, воздетым во многообразном, устремленном вверх мире. Прошагав через лес, он ступил на пыльную дорогу, что вела во все края Уэльса, влево, вправо, и в север, и в юг, вниз сквозь растительность, вверх сквозь воздушное око. Поглядывая на недвижимые деревья во тьме, он пришёл наконец к дому АпхЛьюлина. Отворил калитку, прошагал по дорожке, поднялся на крыльцо. Здесь в гостиной лежал АпхЛьюлин, шесть беспёрых скворцов рядом с ним, а седьмой всё пел скорбную песню. Возьми, донёсся голос Бронуэн с Кафмаурских погостов, ты возьми кровь от птицы. Он поднял с пола мёртвого скворца, разорвал его горло и поймал холодной крови в ладонь. Выпьешь питьё моё близ меня, Бронуэн молвила ему в ухо. Он взял с посудного стола чашку и наполнил наполовину кровью съёженного скворца. Придётся ему подождать разлагаться, обратился Монтгомери к органисту, пока я не выпью её напиток близ неё. Возьми, сказала ему мать, ты возьми и мужское вещество. Он спешил прочь и слышал, как последний скворец скорбит о сём новом отшествии...

Том Тап по-прежнему висел скрючившийся в живой изгороди. Он не чувствовал, как коснулся его пальца складной нож, не беспокоился потерей обручального, травяного кольца.

Священник, мертвый в своём кресле, не вскрикнул громко, когда панталоны его соскользнули к ботинкам и обетованьем наполнился пузырь перьевой его ручки.

Теперь чашка была полна. Мистер Монтгомери взбудоражил в ней напиток безымянным пальцем и испил из неё на Кафмаурском погосте у могилы своей матери. Красный напиток прошел вниз. Могилы завращались вокруг мистера Монтгомери, ангелы всколыхнулись на каменных надгробьях, и крышки, невидимые молчаливо принявшему в себя яд, взволновались на петлях. Яд его взбудоражил, и он завращался, одной ногой стоя в материнской могиле. Мёртвый Кафмаур между тем сделал выпад из древес своих в сторону ворсистого холма. Волосы встали у Монтгомери на макушке. Имея в крови своей птичью кровь и холодную унцию семени священника, продви-

minishings of the moon; the stationary sun slipped down, and the system he could not take to the ground broke in half and in a hundred stars; Three days went by in a wind, the fourth rising cloudless and sinking again to too many strokes from the out-counted steeple. The fourth night got up like a man; the vision altering, a woman in the moon lit up the yards. He counted the diminishings of the sun. Too many days, he said, sick of his mother's brew and of the poisoned hours that passed and re-passed him, leaving on the gravel path a rag and a bone in a faded frock coat.

But as the days passed, so the dead grew tired of waiting. Tom, uneasy in the hedge, raised a four-fingered hand to stifle the yawn that broke up the last remaining skins upon his face. Butcher and baker ached in too long a love, and cursed the beds that bore them. The six naked starlings rose on their wings, the seventh singing, and ApLlewelyn, out of a deep sleep, drifted into a reawakened world where the birds danced about him. So, tired of waiting, the dead rose and sought their undertaker, for the rot had set in, and their flesh fell as they walked, in a strange procession, along the dusty road that led all ways to the graves of Cathmarw.

Mr. Montgomery saw them come, and, as a new sunshine descended on the yards, offered them his cup of brew. But the dead refused his hand. Tom Twp hunched, the sterile parson, butcher and baker ungainly in their loves, and ApLlewelyn with his hands around the feathers, clawed at the earth, making a common grave. Far, far above them, the seven naked starlings scratched on the sky.

A darkness descended on the yards, but lifted again as Mr. Montgomery questioned the parson as to the God of death. What is God's death? Lifting his head from the soil the parson said: God took my promise. And he smote the earth. I am your tomb-maker, said Mr. Montgomery, as the unshrouded parson climbed into the grave. I took your promise he said as the soil closed

гавшуюся постепенно к творению, он принялся вычислять убавленья луны; непременно, неподвижное солнце скользнуло вниз, а система, которую он не сумел снять на землю, разломилась на сотни звёзд. Пролетели ветром три дня, а четвёртый встал было, безоблачный, но был должен опять пасть от звука слишком многих ударов со счёта сбившейся колокольни. Четвёртая ночь поднялась было по-мужски; однако виденье сменилось, и все дворы осветила женщина во луне. Он стал считать убавления солнца. И промолвил: слишком много дней, – так он молвил, больной от напитка своей матери, от всех этих ядовитых часов, проходивших помимо – или мимо него, оставлявших лежать на гравийной дорожке – клочок плоти и кость во всё более выцветающем сюртуке.

Но дни проходили, и мёртвые ждать утомились. Тому стало беспокойно в изгороди, и он поднял четырёхпалую руку, чтобы сдержать зевок, который рвал последний сохранившийся на лице его кожный лоскут. Мясник с булочником содрогались от муки слишком долгой любви, проклиная ложа, их родившие. Шесть нагих скворцов, под звуки пенья седьмого, поднялись опять на крыло, и АпхЛьюлин извлёкся из глубокого сна в пробудившийся заново мир, где опять танцевали вокруг него птицы-питомцы. Итак, мёртвые ждать утомились, и восстав, принялись искать своего похоронщика, ибо гниение уже наступило и их плоть совлекалась от шагов, когда шли они странным шествием по пылящей прахом дороге, что вела, отколь ни выбреди на неё, к Кафмаурским погостам.

Мистер Монтгомери, видя их приближенье в новом солнечном свете, протянул им свою чашку с напитком. Но мёртвые испить отказались. Горбуном выступавший Том Тап, обеспокоенный священник, мясник и булочник, неуклюже погрязшие в своих любимых, и АпхЛьюлин с охажкою перьев под мышкой, – все они стали яростно рыть землю, готовя для себя общую могилу. Высоко, высоко над ними, семь нагих скворцов коготками царапались в небесную твердь.

Темнота опустилась на погост, – но развеялась, когда мистер Монтгомери спросил священника о Боге смертельном. Что такое смерть Божья? Приподнявши голову от земли, отвечал священник: с Богом заключил я обет. И ударил яростно землю. Я могильщик твой, сказал мистер Монтгомери, между тем как священник без савана опустился в могилу. Ты со мной заключил

over.

What is death's music? One note or many? The chord contagion? Thus questioned the undertaker, the cup three-quarters empty in his gloved hand. He who marks the sparrows' fall has no time for my birds, said ApLlewelyn. What music is death? What should I know of the music of death who anti no longer the keeper of birds? ApLlewelyn vanished into the second quarter of the grave. I, I slew your birds, said the undertaker to the vanishing man.

The butcher was dead meat. Let me answer your platitudes, said the butcher's wife, scrubbing the surface of the double hole in the earth. I was love, I am dead, and my man still walks in me.

What is death's love? said the undertaker to the woman. Let me answer your platitudes, said the grocer's wife. I was dead, I am love, and my man still treads in me. They who filled and were filled, in a two-backed death, filled the third quarter.

And Tom Twp, counting his fingers at the edge of their acre, found a tenth miraculous finger, with a nail red as blood and a clear half-moon. Death is my last finger, said Tom Twp, and dived into the closing grave.

So Mr. Montgomery was left alone, by the desolate church, under a disappearing moon. One by one the stars went out, leaving a hole in heaven. He looked upon the grave, and slowly removed his coat.

обет, сказал мистер Монтгомери, и земля затворилась над священником.

Что такое музыка смерти? В ней одна только нота, или множество? Или это аккорд воспрятья болезни? Так спрашивал похоронщик; чашка в его перчаткой одетой руке на три четверти была пуста. Тот, без чьей воли не упадёт ни одна малая птица, не имеет времени, чтобы заботиться о птицах моих, отвечал АпхЛьюлин. Какую музыку несёт смерть? Что могу знать о музыке смерти я, не владеющий более птицами? И АпхЛьюлин исчез во второй четверти могилы. Я, я сразил твоих птиц, объяснил похоронщик исчезающему человеку.

Мясник сделался мёртвым мясом. Дай ответить на пошлое вопрошение твоё, говорила его жена, выцарапывая двойное место в могиле. Я была любовь, я мертва, и мой муж по-прежнему совершает хождение во мне.

Что такое смерть любви? похоронщик отнёсся к женщине. Дай ответить на пошлое вопрошение твоё, говорила жена бакалейщика. Я была мертва, я любовь, и мой муж по-прежнему гуляет во мне. И вот те, которые заполняли собой и были заполняемы, и чья смерть была смертью о двух спинах, третью четверть могилы заполнили.

Том Тап на краю последнего пристанища стал считать свои пальцы, и нашел десятый, которого возвращение было чудом, палец с ногтем красным как кровь, ясным как полумесяц. Смерть – мой последний палец, сказал Том Тап, и нырнул в затворяющуюся могилу.

Так остался мистер Монтгомери один, у заброшенной, безутешной церкви, под исчезающею луной. Одна за другой гасли звёзды, и за каждой получалось отверстие в небесах. Мистер Монтгомери посмотрел на могилу и стал медленно стягивать свой сюртук.